

Церковь можно постичь только верой

Каждый раз, читая утренние молитвы или присутствуя на богослужении, мы либо слышим, либо читаем, либо поем Символ веры. В нем есть такие слова: «верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». И порой возникает вопрос: понятно, как можно верить в Бога, а как можно верить в Церковь? Мы в церковь ходим, мы в ней живем, мы члены Церкви. Что же тогда является предметом веры? Это недоумение показывает, что мы в Церкви не всегда замечаем то, что является в ней главным. Об этом размышляет игумен Нектарий (Морозов).

Идеальный образ единения

Если взять Катехизис святителя Филарета, митрополита Московского, то можно найти там определение Церкви. Он говорит, что Церковь — это от Бога установленное сообщество людей, объединенных православной верой, Законом Божиим, священноначалием и таинствами. Это определение полностью соответствует действительности, но практически все богословы, которые о Церкви писали и о Церкви говорили, сходились в том, что какого-то удовлетворительного определения Церкви, которое бы не имело изъяна, дать невозможно. Почему? Потому же, почему невозможно дать исчерпывающего определения Бога: человеческим умом Бога постигнуть невозможно, и мы не можем сказать, что до конца знаем, каков Он. Собственно говоря, вечная жизнь человека, вечное блаженство заключаются в бесконечном познании Бога, а если бы мы могли сейчас сказать, *Кто есть Бог*, окончательно, то не было бы этой вечности. И наверное, то же самое можно сказать о Церкви. Ведь Церковь — это не только сообщество людей, объединенных Богом на основе веры; Церковь — это в то же время и Сам Господь; Он является главой Своей Церкви. Можно, наверное, пытаться для самих себя объяснить, что же такое Церковь, сказать, что это есть некий лучший и идеальный образ единения Бога с людьми и людей с Богом, потому что именно в Церкви мы получаем возможность в этом единении с Богом пребывать.

Как-то раз, проводя для самого себя некий эксперимент, я задавал знакомым мне людям — причем все эти люди были однозначно церковными — два вопроса: «Что такое Церковь вообще?» и «Что такое Церковь собственно для вас?». И ответы на эти вопросы были очень различны. Кто-то — порой даже человек, имеющий начатки богословского образования, — вообще не мог

ответить на вопрос, что такое Церковь, и дать ей определение. А кто-то мог это определение дать, но затруднялся сказать, что такое Церковь собственно для него. Из всех ответов, которые я услышал на второй вопрос, мне больше всего понравился ответ человека, который сказал: «Церковь — это для меня то, без чего бы я не мог жить, потому что если б не было в моей жизни Церкви, то в ней была бы огромная пустота и я не знал бы, что есть возможность учиться любить Бога, жить с Богом и всю свою жизнь к Богу идти». Действительно, вне Церкви эта возможность у человека исчезает, и ее как бы и нет. И когда различные богословы стараются объяснить, что в первую очередь оставил на земле Господь по завершении Своего земного служения, по Своем распятии, по Своем Воскресении и вознесении на Небеса, то все сходятся опять-таки в том, что самое главное, что Господь оставил нам,— это Церковь.

Под водительством Духа

Каждый раз в конце вечернего богослужения мы слышим глубочайшие слова: «Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси Честною Твоею Кровию». Вот та цена, которую заплатил Господь за то, чтобы дать нам этот образ бытия с Богом,— Его кровь. Церковь — это Его самый главный и самый драгоценный дар для нас. Был такой замечательный святой, он жил в начале XX столетия и после мученической кончины отошел к Богу,— святитель Илларион Троицкий. Он написал целый ряд работ, так или иначе посвященных Церкви, и в одной из его книг есть такое напоминание: он говорит о том, что Сам Господь никогда ничего не писал. Мы можем найти единственный эпизод, когда ко Христу привели женщину, взятую в прелюбодеянии, и Он, наклонившись, что-то писал перстом на земле (см.: Ин. 8, 6),— но что, впрочем, не знает никто. К чему обращает на

это внимание святитель Илларион? Он говорит об этом для того, чтобы донести мысль: на земле Господь оставил только Церковь, ее Он основал, ее стяжал Своею кровью, ее Он Духом Святым утвердил. А Евангелие мы получили уже собственно в Церкви, как обретаем в ней абсолютно всё, что потребно для нашего спасения. Апостол Павел не случайно называет Церковь столпом и утверждением истины (ср.: 1 Тим. 3, 15): человеку в этом мире очень легко заблудиться, и даже тот, кто поверил во Христа, узнал Его, может заблудиться столь же легко, если не будет водительства Духом Святым, которое мы обретаем в Церкви.

Когда мы читаем Символ веры, то утверждаем, что веруем в единую Церковь. Что значит «в единую»? Во-первых, это означает, что Церковь — одна, и не может быть какой-то другой, потому что созданная Господом Церковь — невеста Христова. Во-вторых, она единая потому, что объединена единой верой и единым учением, которое является общим для всей Церкви на всем пространстве земли. Вы знаете, что есть различные Поместные Церкви: Русская Православная Церковь, Грузинская Православная Церковь, Болгарская Православная Церковь и так далее, но при всем при том это Церковь единая. И есть еще одно единство: это единство Церкви земной и Небесной — как раз то, что делает необходимой нашу веру в Церковь.

В Церкви — среди святых?

Чаще всего мы претыкаемся, скажем так, о человеческую составляющую Церкви. Мы видим перед собою мирян, которые ходят в церковь, мы видим перед собою священников, мы видим перед собою епископат — и естественно, что у всех людей, которых видим, мы замечаем какие-то человеческие недостатки. Иногда это недостатки кажущиеся, иногда это недостатки совершенно реальные, и очень часто человек о них спотыкается: он думает, что

если в Церкви всё не совсем так, как должно быть, то невозможно говорить о том, что Церковь — Святая. Бывает порой, что человек, придя в храм, сталкивается с чем-то, что его от Церкви отворачивает, и в результате уходит оттуда с обидой и недоумением: как можно принадлежать к такой Церкви? Ведь она должна быть Святой, и люди там должны быть святыми, а люди такие-сякие... Но для человека, который воцерковляется, это недоумение перестает быть актуальным, потому что он сам знает собственные несовершенства и каждый раз приходит для того, чтобы об этих несовершенствах свидетельствовать во время совершения Таинства Исповеди. Так что нам, людям церковным, очень хорошо известно, что святой Церковь делают, конечно, не наша праведность, не наши достоинства, которых у нас, к сожалению, гораздо меньше, чем хотелось бы, а делает Церковь Святой именно ее небесная составляющая. Образно говоря, Церковь — это некая единая семья, в которой Отцом является Бог, Матерью является Пресвятая Богородица, старшими братьями и сестрами для нас являются Ангелы и святые, ну а младшими в ней являемся мы. Мы привыкли называть «братьями нашими меньшими» животных, но на самом деле мы тоже являемся братьями меньшими, и притом братьями, которые очень своим старшим братьям и сестрам досаждают жизнью своей. Но тем не менее они по любви своей нами не гнушаются.

Жить в Церкви — что это значит?

Вокруг нас часто звучит такое словосочетание — «церковная жизнь». И мы вроде бы понимаем, что жить церковной жизнью — значит регулярно ходить в храм, участвовать в церковных таинствах, молиться и исповедовать ту веру, которая делает нас православными христианами. Но можно ли сказать, что это исчерпывающее определение жизни человека в Церкви? Это, без-

условно, не так, потому что мы собственно церковную жизнь, на самом деле, знаем очень плохо. Две тысячи лет существования Церкви — это огромная история. С одной стороны, это жития святых, которыми славится Церковь, с другой стороны, это страницы истории Церкви как таковой, которые очень тесным образом переплетаются с мировой историей и с историей государства, в котором мы живем,— и безусловно, все это нужно изучать. Ведь мы задаемся какими-то вопросами о Церкви сегодня, а этими же вопросами задавались люди, жившие сто, двести или триста лет тому назад, и они, возможно, находились в очень похожем положении, так что, читая об этих людях, мы будем получать ответы на те вопросы, которые появляются у нас. Ну и кроме того, очень важно ощущать некое единство своей жизни и жизни тех людей, которые жили в Церкви до нас.

Но история Церкви — это, естественно, не единственное, что человек должен знать. Необходимо познакомиться с началами богословия. Обязательно нужно познакомиться и с тем, из чего состоит церковное богослужение, потому что церковная служба — это тоже отражение жизни Церкви. На самом деле, если человек внимательно слушает церковные песнопения и молитвословия, то из их содержания он уже может постигнуть практически все — и богословие Церкви, и ее учение, и даже отчасти ту же самую историю, которая порой во многих канонах, стихирах тоже отражена.

Когда-то несколько студентов Санкт-Петербургской Духовной Академии спросили святого праведного Иоанна Кронштадтского: каким образом он стал таким, каким он стал. Они подразумевали под этим вопрос, каким образом он стал великим чудотворцем, каким образом он стал человеком, которого считали еще при жизни общероссийским светильником веры православной и образцом святости. Но он их не понял, потому что о себе думал со-

вершено иначе; потом до него все-таки дошел смысл их вопроса, и он сказал им: «Я никогда не делал ничего особенного, я просто жил в Церкви». И он действительно жил в Церкви в полном смысле этого слова, потому что его день начинался в церкви, проходил в служении Церкви и людям и заканчивался фактически тоже в храме. Возможность жить именно так есть не у каждого человека, но жить в Церкви всю свою жизнь может буквально каждый из нас. Память о том, что мы являемся частичками, клеточками этого единого Тела, этого богочеловеческого организма, может присутствовать всегда. И вся наша жизнь может быть не только пользованием теми благами, что Господь в Церкви нам преподал, но может быть и служением Церкви. И это вещь очень и очень важная, потому что Господь говорит о Себе, что Он не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф. 20, 28). И если человек хочет Богу уподобиться, то в том числе он может уподобиться Ему и через служение — Церкви и другим людям.

Любовь и твердость

Каким может быть служение человека в Церкви? Оно может быть различным. Оно может начинаться с того, что человек что-то делает в храме, а может — с того, что человек людей в храм приводит. Безусловно, не каждый из нас может быть апостолом, потому что апостолы хотя и были людьми такими же, как мы, из плоти и крови, но что-то в них было такое, почему Господь именно их избрал. Он ведь говорит им: Не вы Меня избрали, но Я избрал вас (ср.: Ин. 15, 16), — избрал, потому что увидел какие-то особые качества, которые у них были. И главное качество, наверное, было такое: у них была готовность последовать за Ним до конца и всю жизнь посвятить Ему и тому делу, ради которого Господь пришел на землю. Что-то апостольское тем не менее должно

присутствовать и в каждом из нас. Мы видим, насколько мала Церковь в современном мире. С одной стороны, у нас в стране, по разным оценкам, от шестидесяти до восьмидесяти процентов людей, которые крещены в Православной Церкви и формально являются православными христианами. С другой стороны, когда мы начинаем считать, сколько человек ходит в храм и реально живет церковной жизнью постоянно, а не от случая к случаю, эта цифра колеблется от одного до трех процентов от всего населения нашей страны. И следовательно, всё остальное количество людей, которые крещены, но в Церковь не ходят, — это люди, которые находятся между верой и безверием. От чего зависит, окажутся ли они в Церкви и откроется ли для них когда-либо та жизнь, которая когда-то открылась для нас? С одной стороны — от них самих, с другой стороны — это дело милости Божией, ну а с третьей стороны — это дело и нашего служения.

Вспомним, каким образом росла и умножалась Церковь в древности. Неверующий человек видел перед собою верующего человека, и его интересовывал образ жизни, который этот верующий человек ведет. Его интересовало, почему этот человек такой добрый, почему он любит людей, почему он настолько внутренне отличается от других. Мы имеем массу свидетельств о том, что в древности христиане выделялись не каким-то особым видом, а именно особым поведением — своей любовью друг к другу и к тем людям, которые их окружали. На почве этого начиналось общение, в процессе которого христиане рассказывали об Источнике своей любви. Они говорили о том, что верят в Бога, Который есть Любовь, они эту любовь ощутили, на эту любовь своим сердцем откликнулись и их переполняет желание этой любовью с другими людьми делиться. В человеке возгоралось желание постигнуть этот Источник любви, и таким образом Церковь умножалась. Это с одной стороны. С другой стороны, Тер-

туллиан не случайно говорит о том, что кровь мучеников — это семя Церкви: чем больше проливалось мученической крови, тем больше становилось людей, верующих во Христа. Казалось бы, это парадокс: когда люди чего-то хотят, а их за это убивают, то чаще всего они перестают этого хотеть. Но вот горстка учеников Христовых входит в языческий мир, ее пытаются истребить, другие люди на это смотрят со стороны и в результате тоже становятся христианами — фактически для того, чтобы их тоже убивали.

И наверное, когда мы говорим о христианстве с людьми неверующими, но тем не менее пытающимися разобраться в том, что это такое, нет лучшего доказательства божественности его происхождения. Христианство — это вещь необъяснимая; это самая невыгодная религия, это религия, которая фактически запрещает человеку себя самого защищать и разрешает защищать только других, то есть полагать свою душу за ближних своих, но не за себя самого. И почему-то эта религия в период, когда она более всего гонится и уничтожается, начинает разрастаться. Это некая тайна. Исходя из всего этого можно говорить, наверное, о двух вещах, которые более всего необходимы для того, чтобы людям помогать в Церковь прийти: это умение любить — любить этих людей в том числе, и это твердость в вере, наша готовность за веру что-то перенести, за веру постоять. Когда люди видят и любовь, и твердость в исповедании веры одновременно — это то, что однозначно увлекает их сердца.

Место, где нам хорошо

Каким образом приводить людей в храм, как говорить с ними о Церкви? Мы ведь знаем, что одному человеку Господь дает дар

слова, а другой порой, когда начинает говорить, и теряется, и заикается, и не знает, как свои мысли выразить. Но есть одна вещь, которую можно выразить, не обладая даром красноречия. Мы приходим в храм, если говорить совсем просто, потому что нам здесь хорошо. Если бы нам было здесь плохо, то мы бы сюда не приходили. Хорошо не потому, что нас встречают здесь люди, которые нам рады; хорошо не потому, что мы, придя в храм, получаем какое-то подтверждение того, что мы хорошие, — нет.

Мы, придя в храм, находим здесь самое главное, что может найти человек: может быть, не на протяжении всего богослужения и не каждый раз, но мы чувствуем здесь единение с Богом. А в какие-то моменты ощущаем и единение друг с другом как с другими клеточками единого Тела Христова. И мы можем сказать тем людям, которые дороги нам, о том, что в храме нам очень хорошо и мы хотим поделиться с ними этим. Порой, когда мы говорим, что каждый христианин должен заботиться о том, чтобы привести своих близких, родных людей в Церковь, это воспринимается как некое подражание сектантам.

Но это не подражание сектантам — это подражание апостолам. То, что делают сектанты, — это перевернутая, искаженная апостольская деятельность. Собственно говоря, апостолы точно так же шли порою по улице, останавливались и начинали проповедовать. Но они делали это не оттого, что кто-то дал им такое задание, не потому, что им приносило какие-то бонусы и дивиденды количество людей, приведенных в Церковь, а потому, что для них самым дорогим и самым важным было спасение, которое вне Бога невозможно. И они не могли не желать поделиться этим с другими людьми, которые их окружали, и везде, где такая возможность была, они делились. Ни у кого из нас нет такой задачи: как можно больше людей привести в Церковь — притащить, приволочь силой, поругаться с ними, пока мы их тащим. Но привести,

если сложились к тому обстоятельства и возникла такая возможность, обязательно нужно, потому что воля Божия — спасение каждого человека, и если рядом с этим человеком кроме нас нет никого, кто бы мог ему сказать о Христе, значит это должны быть мы.

Как именно говорить о вере, как говорить о Церкви и о жизни в Церкви — это, наверное, тема отдельного разговора. Каждый из нас в этом вопросе какой-то опыт имеет, и мы знаем, насколько безуспешны порою бывают наши в этом смысле усилия. Мы начинаем человека звать в Церковь, говорим о том, как это хорошо, как это важно, а разговор кончается конфликтом. Причем этот конфликт не всегда возникает из-за того, что на нас сердятся и с нами ругаются, — порой ругаемся именно мы и при этом являем такую «любовь» в разговоре, что у человека желание в Церковь приходить просто отпадает навсегда.

Разобщает — меньше, чем объединяет

Говоря о том, что есть Церковь, нужно сказать и о том, что это не только место особого Божественного присутствия и единения Бога и людей, но Церковь всегда была и будет оставаться местом, где с особой силой действует враг нашего спасения. Почему? Потому что враг всегда стремится разрушить то, что важнее всего. Почему бывает так трудно молиться? Потому что молитва — это наша беседа с Богом, это то, что нас с Богом соединяет. Поэтому на молитве начинается рассеяние мыслей: мы вспоминаем какие-то забытые вещи, забытые телефоны, забытые имена и всё что угодно, потому что враг готов нам в это время все что угодно напомнить, лишь бы отвлечь от молитвы. И то же самое с Церковью: если мы посмотрим на историю Церкви, то увидим, что на протяжении всей этой истории реализуется то, о чем говорил Господь апостолу Петру. Он говорил: Симон! Симон! се, сатана

просил, чтобы сеять вас как пшеницу (Лк. 22, 31). Сеять — значит рассеивать в разные стороны, разрывать это единство, разрушать его. И на протяжении всей истории Церкви это происходит. Была единая христианская Церковь, потом появилась Католическая Церковь, потом она раздробилась на Католическую и Протестантскую, Протестантская начала дробиться на множество мелких конфессий... Но разделение необязательно достигается именно через то, что Церковь раскалывается. Порой оно может происходить на основе того, что между людьми возникает какая-то неприязнь.

А порой может происходить как раз по той причине, о которой я говорил вначале: мы видим человеческое несовершенство — может быть, священника, может быть, епископа — и уходим под этим впечатлением из храма. Эти несовершенства бывают объективными, бывают кажущимися, но это в любом случае нашего церковного единства разрушать не должно. Мы всегда должны помнить, что человеческие недостатки — всё то, что может нас разделять и разобщать, — это гораздо меньше, чем то, что нас объединяет. И такая поразительная вещь: бывает, что смотришь на человека и понимаешь, что он живет жизнью никуда не годной — и такие явные немощи у него есть, и такие.

А потом приходит время испытания, и ты видишь, как этот человек являет вдруг такой удивительный героизм христианского духа и такое самоотвержение, на которые бы ты никогда не решился. Почему это так? А потому, что человек меняется в Церкви. И он может меняться как к худшему, так и к лучшему — мы всегда должны быть к этому готовы.

И еще об одном нужно сказать. Очень плохо, когда мы, в один храм приходя и являя некую Церковь в миниатюре, не знаем друг друга. Это неестественно: быть людьми, которые должны соеди-

няться любовью, и не знать друг друга ни по имени, ни по внешнему виду — прийти-уйти и больше никак не встречаться. Это совершенно неправильно, мы обязательно должны друг друга в Церкви узнавать, должны друг другу помогать, должны участвовать в жизни друг друга, потому что именно это и является подлинной христианской общиной. Хотя есть такая вещь: начинаем друг друга узнавать, начинаем дружить, начинаем друг другу помогать — начинаем ссориться.

Пока друг друга не знаем, ссориться не получается; ну в крайнем случае кто-то на кого-то не так посмотрел, кто-то кому-то на ногу наступил, но это не повод для серьезной ссоры. А вот как только подружились, поводов поссориться всерьез оказывается очень много. Почему — опять-таки потому, что сатана просил, дабы сеять нас как пшеницу. И нужно помнить, что и во всей нашей жизни, а тем паче в Церкви надо всё нас разделяющее преодолевать.

До конца времен

И наконец, нужно знать, что в жизни Церкви бывают периоды, когда кажется, что если еще не всё пропало, то вот-вот пропадет и Церковь разрушится, погибнет. Таких моментов в истории

Церкви было, на самом деле, очень и очень много. Это были порою времена, когда какие-то ереси фактически настолько умножались и усиливались, что брали верх над православной верой, это были периоды гонений, когда казалось, что вот-вот — и ничего не останется. Но надо всегда помнить о том, что Господь сказал: врата ада не одолеют Его Церковь (см.: Мф. 16, 18), то есть Церковь будет существовать до тех пор, пока существует этот мир. И поэтому нужно не столько желать спасти Церковь и бояться того, что она разрушится, сколько просто за нее держаться, в ней жить и оставаться, какие бы соблазны, какие бы искушения изнутри или извне на нее ни восставали.

Образно говоря, Церковь — это некий огромный состав, который едет по рельсам и должен попасть в Царство Небесное. И он туда попадет, а попадем или не попадем туда мы, зависит от того, не выйдем ли мы раньше времени из вагона, когда нам покажется, что ехать дальше некуда, и от того, как мы будем себя в этих вагонах вести. Как говорил преподобный Петр Дамаскин, спасение наше совершается между страхом и надеждой, когда мы одновременно и боимся за свои грехи лишиться Царства Небесного, и в то же время надеемся на милость Божию. В какие-то моменты в нас усиливается надежда, в какие-то усиливается страх. Но обязательно через нашу жизнь должно пройти и то, и другое — точнее, мы должны и то, и другое в своем сердце пронести.

Игумен Нектарий (Морозов)

Источник: Православие и современность